

Коллектив авторов

**Божий работник и апостол трезвости отец
Александр Васильевич Рождественский**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
К60

К60 **Коллектив авторов**
Божий работник и апостол трезвости отец Александр Васильевич Рождественский / Коллектив авторов – М.: Книга по Требованию, 2014. – 40 с.

ISBN 978-5-458-12751-6

ISBN 978-5-458-12751-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

На развитіе этой стороны его душевной жизни оказывала огромное вліяніе его добрая мать. Это была чудная женщина. Таковыхъ бываетъ мало въ жизни. Ея золотое сердце отзывалось на горе и страданія ближняго. Ее до глубины души могли потрясти слезы каждаго, даже совершенно незнакомаго ей человѣка. Ея взоръ свѣтился безграничной лаской и привѣтливостью; въ разговорѣ просвѣчивала простота и безыскусственность. Съ перваго же момента она производила дивное впечатлѣніе, чаровала своей простотой и предоброй душой, и это чарованіе при дальнѣйшихъ встрѣчахъ не уменьшалось, а, напротивъ, увеличивалось. На мать Саши буквально молилась вся прислуга въ домѣ: она не видѣла въ ней госпожи, барыни, а замѣчала только доброе, отзывчивое сердце, чисто материнскую къ себѣ любовь.

Эту-то сердечность, эту-то безпредѣльную отзывчивость на людскія страданія и заимствовалъ отъ матери Саша.

Но если мать Саши можно назвать человѣкомъ нѣжнаго сердца, то отца его, при его тоже любящемъ, но такъ сказать, скрытомъ сердцѣ, по всей справедливости нужно отнести къ людямъ твердаго характера и непреклонной воли. Онъ былъ владыкою дома. Всѣ желанія его спѣшили предупредить. Его любили горячо беззавѣтно, и въ то же время уважали до какого-то благоговѣйнаго страха предъ нимъ, что и понятно, ибо онъ былъ выше всѣхъ по уму, по своему положенію и сану.

И отъ него Саша получилъ въ наслѣдство настойчивость и твердость въ достиженіи задуманнаго дѣла, недюжинный умъ и поражающую всѣхъ неутомимость.

Еще въ дѣтствѣ съ своими сверстниками маленькій Саша закахивалъ въ дома ихъ родителей—фабричныхъ рабочихъ и здѣсь знакомился съ трудящимся рабочимъ

классомъ, съ его бѣдностью, заботами, радостями и горемъ. По своему отзывчивому сердцу онъ весьма жалѣлъ бѣдныхъ людей, но такъ какъ здѣсь ему приходилось видѣть и переживать и тяжелыя семейныя сцены отъ пьянства, то этимъ онъ до слезъ возмущался, инстинктивно сталъ чувствовать боязнь къ пьянымъ людямъ и по-дѣтски удивлялся: зачѣмъ люди пьютъ вино? развѣ нельзя жить безъ водки?..

Между тѣмъ приближалось время ученія и Сашу Рождественскаго отправили въ г. Владимірѣ, въ духовное училище.

Въ училищѣ мальчикъ былъ общимъ любимцемъ, какъ товарищей, такъ и учителей и начальства. Онъ всѣ годы здѣсь шелъ первымъ ученикомъ, былъ во всемъ исполнителенъ, а товарищамъ помогалъ въ учебныхъ дѣлахъ, стараясь всякому угодить. Будучи мальчикомъ живымъ и рѣзвымъ, онъ и въ шалостяхъ своихъ былъ милъ и привлекателенъ, и какъ-то тянуло къ нему и хотѣлось его цѣловать. Такъ какъ онъ былъ очень любознателенъ, то всѣ книги, выдаваемыя изъ училищной библіотеки, имъ были прочитаны и онъ искалъ чтенія на сторонѣ. Въ то время во Владимірѣ нарождалось Братство св. Александра Невскаго, имѣвшее просвѣтительныя задачи. Ученикъ Рождественскій познакомился съ однимъ изъ дѣятелей этого Братства г. Георгіевскимъ и благодаря ему бывалъ на многихъ религіозно-нравственныхъ братскихъ чтеніяхъ. И уже, можетъ быть, въ это именно время въ душѣ его слагались тѣ святыя идеалы, служенію которыхъ онъ впоследствии посвятилъ всю жизнь свою и всего себя.

Окончивъ курсъ ученія въ духовномъ училищѣ, Александръ Рождественскій перешелъ для продолженія образованія во Владимірскую духовную Семинарію.

Здѣсь предъ будущимъ о. Александромъ болѣе широко распахнулись двери къ богопознанію, къ ознакомленію съ жизнію, къ выработкѣ цѣльнаго характера. Въ этомъ учебно-воспитательномъ заведеніи воспримчивому и пылкому юношѣ пришлось не мало поработать надъ тѣмъ, чтобы всѣ благіе зачатки, полученные отъ крови своихъ родителей, а также и отъ начальнаго воспитанія, воспринятыя нѣжнымъ, отзывчивымъ сердцемъ, привести въ себѣ въ надлежащій порядокъ, систематизировать и положить ихъ въ основаніе дальнѣйшей жизненной дѣятельности.

Въ Семинаріи, невзрачный по внѣшности, Александръ Рождественскій духовно все болѣе и болѣе укрѣплялся и расцвѣталъ въ тотъ пышный цвѣтокъ, который впоследствии такъ не долго, но зато такъ чудно благоухалъ на нивѣ Христовой. Воспитанникъ А. В. Рождественскій весь былъ погруженъ въ богословско-философскія науки. Его всегда видѣли, подобно кроту, роющимся въ книгахъ семинарскихъ библиотекъ и библиотеки Братства св. Александра Невскаго и, подобно пчелѣ, вбирающимъ въ себя отовсюду медъ знанія.

Въ занятіяхъ онъ былъ чрезвычайно усидчивъ и настойчивъ; по успѣхамъ, какъ и въ духовномъ училищѣ, всегда шелъ первымъ, первымъ и окончилъ семинарскія науки. Но въ то же время онъ былъ общителенъ и съ товарищами, которые любили его за его открытую душу, за его любящее сердце, за пылкость его честныхъ стремленій.—Такъ какъ рѣзкою, отличительною чертою его характера было доставлять всѣмъ пріятное, то онъ иногда бывалъ даже виновникомъ и инициаторомъ невинныхъ товарищескихъ развлеченій и экскурсій,—и тогда, уже ему нравилось сплочивать

вокругъ себя въ тѣсный кружокъ и единокружную семью людей.

Достойно примѣчанія, что ученикъ духовнаго училища и воспитанникъ духовной Семинаріи Александръ Васильевичъ Рождественскій за все время десятилѣтняго своего образованія во Владимірѣ, несмотря на то, что жилъ на частной квартирѣ, внѣ наблюденія начальства, неопустительно посѣщалъ во всѣ праздничные дни всѣ церковныя службы, соблюдалъ неукоснительно не только установленные посты, но и обычные среды и пятницы, любилъ ходить къ архіерейскимъ службамъ въ соборъ и въ архіерейскій монастырь и никогда не пилъ вина и не курилъ. Здѣсь, конечно, сказались тѣ устои, которые вложены были въ его душу его начальнымъ, домашнимъ воспитаніемъ.

Въ 1893 г. Александръ Васильевичъ поступилъ волонтеромъ въ С.-Петербургскую Духовную Академію. Въ тотъ годъ изъ владимірской семинаріи не было требованія въ Петербургъ. Александръ Васильевичу семинарское начальство предлагало ѣхать на казенный счетъ въ другія академіи, но отъ этихъ назначеній онъ отказался, ибо его тянуло именно въ сѣверную столицу, гдѣ помимо широкаго всесторонняго развитія онъ въ послѣдствіи надѣялся найти примѣненіе и своимъ стремленіямъ служенію всѣмъ бѣднымъ, темнымъ и несчастнымъ людямъ.

— Туда, туда!—говорилъ онъ,—туда гдѣ много дымящихся фабричныхъ трубъ... Тамъ грохотъ колесъ и лязгъ металла глушатъ духовную сущность человѣка, стираютъ у него образъ Божій... Тамъ нужны работники, живые люди... Тамъ много горя народнаго...

Въ Академіи студентъ Рождественскій всегда былъ однимъ изъ лучшихъ студентовъ. Онъ былъ на отлич-

номъ счету у профессоровъ и пользовался, какъ и въ семинаріи, любовію товарищей. Его и здѣсь любили главнымъ образомъ за его желаніе и готовность всѣмъ быть полезнымъ, доставить пріятное. А въ дѣлахъ ученыхъ работъ Александръ Васильевичъ для товарищей былъ буквально незамѣнимой, справочной книгой: гдѣ почитать на такую-то тему, какіе на нее источники, — у Александра Васильевича на эти вопросы былъ всегда готовый отвѣтъ, ибо онъ много читалъ, обладалъ огромной памятью, имѣлъ большую эрудицію и своими знаніями дѣлился со всѣми.

Въ С.-Петербургѣ съ 1881 г. существуетъ „Общество распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ православной церкви“. Это Общество среди своихъ членовъ имѣетъ священниковъ, специальная задача которыхъ за извѣстное жалованье отправлять службы въ разныхъ церквахъ Общества и вести религіозно-нравственныя бесѣды съ народомъ.

Еще будучи студентомъ младшихъ курсовъ Академіи, Александръ Васильевичъ познакомился съ дѣятельностію этого Общества и эта дѣятельность, какъ магнитъ, потянула его къ себѣ. На послѣднихъ двухъ курсахъ онъ принялъ уже живое участіе въ этой дѣятельности и велъ самъ бесѣды съ народомъ въ разныхъ аудиторіяхъ. И тогда же, конечно, онъ сталъ извѣстенъ Обществу, какъ умный, энергичный и краснорѣчивый проповѣдникъ.

Здѣсь, прежде лишь чувствуемые, но, можетъ быть, не вполне опредѣленно сознаваемые, идеалы благородной и любящей души нашли полное мѣсто для своего примѣненія и осуществленія. — Разъ какъ-то лѣтомъ, послѣ проведенной въ горячихъ, молодыхъ спорахъ съ любимымъ товарищемъ ночи, Александръ Васильевичъ

отправился съ нимъ въ поле подышать свѣжимъ воздухомъ. Было тихо, занимался чудный лѣтній день.

— Смотри,—вдругъ сказалъ А. В—чь,—какъ красиво разгорается утро, какъ оно борется съ тьмой и побѣдно торжествуетъ надъ ночнымъ мракомъ! Не то же ли и въ жизни? И тамъ не такая же ли борьба добра со зломъ, мрака со свѣтомъ? И какъ нужны теперь борцы за свѣтъ и правду!..—Знаешь что,—немного подумавши и конфузясь сказалъ онъ,—я рѣшилъ идти во священника...

И вотъ, по окончаніи курса Академіи, тутъ же, по ходатайству стоящаго во главѣ Общества, Предсѣдателя Совѣта онаго, протоіерея Ф. Н. Орнатскаго, А. В—чь былъ опредѣленъ Высокопреосвященнымъ митрополитомъ С.-Петербургскимъ Палладіемъ во священника къ Воскресенскому храму Общества на Обводномъ каналѣ.

Этотъ рѣшительный шагъ кандидата Академіи Рождественскаго былъ вполнѣ сознательнымъ, не только соотвѣтствующимъ складу его нравственной личности, но и такъ сказать результатомъ требованій его духовной природы.

И съ этого времени начинается широкая, захватывающая, энергичная и многоплодная дѣятельность молодого отца Александра, какъ пастыря—учителя и просвѣтителя народнаго.

Имѣя отъ природы доброе, любящее сердце, обладая недюжинною способностію говорить много, долго, увлекательно и почти безъ приготовленія, о. Александръ отдалъ всего себя святому дѣлу проповѣди слова Божія народу.

Въ храмѣ послѣ всенощной и литургіи, за вечерней и молебнами, и въ разныхъ аудиторіяхъ Общества по назначенію и безъ назначенія, благовременно и безвременне, забывая молодую супругу и личные интересы, не зная устали и отдыха, вѣщалъ молодой батюшка

простымъ людямъ глаголы вѣчной правды Божіей въ разныхъ мѣстахъ столицы: на Выборгской сторонѣ, на Путиловскомъ заводѣ, на Охтѣ, на Обводномъ каналѣ.

Его слушали и вдохновлялись его сильнымъ словомъ десятки тысячъ простыхъ, вѣрующихъ сердець.

И слово свое о. Александръ подтверждалъ личною своею жизнію: всякому извѣстны были его благочестіе, его смиреніе и кротость, а свою любовь къ низшей братіи онъ простеръ до того, что не только раздавалъ бѣднымъ и несчастнымъ всѣ свои достатки, но и многихъ изъ нихъ старался поставить въ иныя условія жизни, въ которыхъ они могли бы исправиться и быть счастливыми, при чемъ съ такими людьми онъ бесѣдовалъ и особо, наединѣ.

Какъ доказательство того, что у о. Александра слово не расходилось съ дѣломъ, что слово о любви онъ самъ осуществлялъ въ жизни, позволено привести здѣсь въ сокращеніи характерный рассказъ одного изъ этой братіи человѣка, по имени Никандра, о чемъ вспоминаетъ сотрудникъ о. Александра г. Горевъ *).

Этотъ Никандръ опредѣленъ былъ о. Александромъ сторожемъ къ одному изъ Отдѣленій Общества, находившемуся въ завѣдываніи г. Горева. И вотъ, что онъ рассказалъ ему:

„...— Жизнь моя была не сладка, много горя пришлось хлебнуть мнѣ, а мнѣ всего 24 года. Я ужъ и „тамъ“ успѣлъ побывать нѣсколько разъ, это въ тюрьмѣ... Благодаря разнымъ житейскимъ неприятностямъ изъ порядочнаго человѣка я превратился въ негодяя, котораго всѣ презирали, отъ котораго бѣгали, какъ отъ опасной чумы... Мнѣ хотѣлось сдѣлаться настоящимъ человѣкомъ, съ корнемъ вырвать постылое

*) См. кн. „Народный печальникъ о. А. В. Рождественскій“. Ст. М. Горева—На помощь гибнущему брату.

прошлое и начать новую жизнь. Но трудно было попасть въ ту среду, изъ которой вышелъ я опозоренный... Никто не понималъ сердца моего, души моей.. Кралъ? Да, кралъ, но кралъ отъ нужды, отъ безысходнаго горя... Вѣдь я клялся, божился, говорилъ, что мнѣ нечего ѣсть, но никто не подавалъ мнѣ руки помощи... А ѣсть было надо. И я снова шелъ на преступленія, шелъ, презирая ихъ всѣми силами своей души. Больно вспоминать объ этомъ. Я страдалъ. Но мнѣ блеснулъ свѣтлый лучъ... освобожденный послѣдній разъ изъ мрачныхъ застѣнковъ тюрьмы, я встрѣтилъ ангела добраго, отца Александра. Я слышалъ, какъ онъ говорилъ въ церкви,—и вотъ—помню—пришелъ къ нему въ первый разъ, продрогшій и голодный, съ гнетущимъ камнемъ на сердцѣ. Мнѣ страшно хотѣлось ѣсть.

— Тебѣ что?—строго встрѣтилъ меня батюшка.

Думалъ, что я какой лѣнтяй, или бродяга.. А я ни слова, только чувствую, какъ всего меня начинаетъ колотить нервная дрожь. Пристальнымъ, строгимъ взоромъ смотрѣлъ на меня о. Александръ и, должно быть, замѣтилъ мое смущенное, растерянное лицо.

— Что тебѣ?—повторилъ онъ.

— Я изъ тюрьмы...—а здѣсь вотъ жизнь моя описана,—отвѣтилъ я, подавая ему тетрадь,—въ тюрьмѣ писалъ.

Лицо о. Александра прояснилось. На устахъ его заиграла тихая улыбка.

— Пожалѣть тебя, что ли?—ласково, какъ-то особенно тихо проговорилъ онъ, и погладилъ меня по головѣ.—На глазахъ у меня навернулись слезы.

— Жалѣю, жалѣю... Отъ сердца, отъ души жалѣю. Терпи! Батюшка говорилъ отрывисто. Каждое его слово, какъ острый ножъ вонзалось въ мое сердце. И, странное дѣло, отъ разговора съ нимъ мнѣ вдругъ, самъ не знаю почему, сдѣлалось мучительно жутко. Тайный

страхъ сковывалъ все мое существо. Какой это былъ страхъ, я не знаю, но думаю, что это былъ трепеть нечистой, безконечно грѣховной души предъ свѣтлымъ ликомъ пастыря.

— Терпи!—продолжалъ между тѣмъ о. Александръ,— больше терпи... Знай: діаволъ около тебя; онъ, какъ левъ рыкая, ходитъ—хочетъ тебя поглотить. Бойся его, не отдавайся сатанѣ... Помни: еще одинъ твой ложный шагъ, одно твое паденіе, и ты снова погибнешь и, быть можетъ, уже навѣки. Бойся гибели, страшись Суда Христова. Ты человѣкъ! не забывай этого. Я не виню тебя слишкомъ... Можетъ быть больше виноваты люди, которые своимъ эгоизмомъ и холодностію заглушили въ тебѣ все святое, человѣческое... Но не унывай... Ты такой же человѣкъ, такой же Божій слуга, только слабый, безвольный, пошедшій по ложному пути. Терпи!.. Борись съ искушеніями, борись съ моремъ соблазновъ и помилованъ будешь, и печаль твоя обратится въ радость. Терпи!.. Самъ Христосъ терпѣлъ... И я вижу, что терпѣть ты можешь... По лицу твоему увидѣлъ, и понялъ все... Понялъ я и всю горечь печали твоей... Ты плачешь? Плачь, плачь, легче будетъ... на душѣ легче, на сердцѣ...

Я уже ничего не слышалъ. Какая-то пелена окутала мои глаза. Скоро я зарыдалъ, зарыдалъ отъ радости, отъ счастья... такъ зарыдалъ, какъ никогда... Я упалъ на колѣни, я обнималъ ноги отца Александра... Я не зналъ, что дѣлать отъ радости, отъ счастливаго сознанія, что я еще не окончательно погибъ, что и для меня возможно счастье...

— Спасибо, спасибо...—повторялъ я, заламывая руки и громко рыдая.

— Не стойтъ, братъ... Вѣдь, поди, голоденъ? Да встань же, встань...

Я всталъ и, смущенный, растерянный, не смѣлъ поднять опущеннаго взора.

— Ну, такъ какъ же? не ѣлъ? Чай, ужъ десять дней, поди, на пищѣ св. Антонія?

Я замялся.

— Нѣтъ, не ѣлъ... Только вы, батюшка, не подумайте, что...

— Ну, чего тамъ! Ничего не думаю и думать не хочу. А это... вотъ тебѣ на ѣду. Держи.

Въ рукахъ у меня была трехрублевка.

Отецъ Александръ благословилъ меня. Я былъ счастливъ, я не зналъ, что дѣлать отъ безмѣрнаго счастья... На душѣ было такъ легко, такъ покойно, какъ бываетъ у малыхъ, невинныхъ дѣтей...

— Приходи денька черезъ три... Прочту твое писаніе...

Черезъ три дня я снова пришелъ къ о. Александру. У него уже готово было мѣсто для меня и онъ послалъ меня сюда... Онъ спасъ меня, спасъ отъ неминуемой гибели... Но спасъ онъ не меня только. Сотни подобныхъ мнѣ здѣсь, въ Питерѣ, также вырваны имъ изъ омута порочной жизни и также спасены“...

Въ цѣляхъ болѣе успѣшнаго распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія среди рабочаго и трудящагося населенія Петербурга о. Александръ Васильевичъ основалъ ежемѣсячный журналъ „Отдыхъ Христіанина“, который вмѣстѣ съ о. П. А. Миртовымъ и редактировалъ въ теченіе пяти лѣтъ, до самой своей смерти. Этотъ журналъ, въ которомъ принимали участіе такія литературныя силы, какъ А. Кругловъ, Поселянинъ и др., рассчитанный на читателей главнымъ образомъ изъ простаго сословія, стоилъ всего 3 рубля и имѣлъ уже въ то время подписчиковъ около 8000.

Въ тѣхъ же цѣляхъ религіознаго просвѣщенія о. Александромъ основанъ и редактированъ былъ и другой